

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

*Посвящается Вану
и нашим семьям*

Вы бы это
слышали,
его голос был
незабываем, неотразим, его голос был
как волшебный сад, протканый ароматами.

«Понимаете ли вы, что такое семья?»
Их глаза закрыты.
Потому я и знаю,
что мы там,
внутри,
где пространство
меж темной столовой и светлой кухней
соткано из пара и звуков.
Мы там, потому что я голоден,
скоро мы сядем за стол
все вместе, и голод мне в радость.

Алан Шапиро «Песни и пляски»

Сайлас

Он просыпается от рева сирен. Их много, и они совсем рядом. Гудят клаксоны: коротко, сердито, словно звонки, возвещающие о тайм-аутах в баскетбольных играх (в школе он только смотрит баскетбол, сам не играет). На экране мобильного 6:11 утра, но дома никто не спит, и по особому надрыву в мамином хриплом голосе, который перекрывает голоса папы и сестер, становится ясно: что-то стряслось.

Не успев даже скинуть одеяло, Сайлас выдергивает из-под кровати желтый рюкзак. Достает оттуда маленький красный бонг, который недавно — на пятнадцатый день рождения — ему подарил Итан, и заодно пакетик с травой. Пакетика хватило меньше чем на неделю. В основном он курил ее, пока полон клумбы и внутренние дворы богатых нью-йоркцев. Выбрав зеленый комок из маленького серого контейнера с заначкой, он осторожно разламывает его на две части и кладет кусок побольше в железную чашу. Берет початую бутылку воды с тумбочки и отливает немного в бонг, поджигает... Делая вдох, наблюдает, как

завиток дыма приближается к его рту, густеет за красным стеклом, а потом медленно разворачивается, словно белая простыня в воде. Когда комочек почти полностью превращается в пепел, Сайлас пускает дым в легкие. Вода в бонге громко булькает: надо вдыхать осторожнее, чтобы не шуметь. Он открывает окно, снимает сетку и высовывается на улицу, делая один-единственный резкий выдох.

Дым парит, попадает в поток воздуха, исчезает; щеки и шею окутывает прохлада. Скоро травка сделает свое дело. Небо на востоке розовое и бледно-голубое, в самой вышине виднеется белый след самолета. Полоска рыхлая и пушистая, стало быть, самолет пролетел где-то час назад, еще до рассвета. Куда, интересно? От дури мысли начинают путаться.

На лужайку неуклюже приземляются четыре мясистые вороны. Они садятся, делают шаг вперед, убирая крылья внутрь грудастых тушек. Они размером почти с кошек, думает он, глядя на их быстрые механические движения. Через некоторое время вороны ни с того ни с сего замирают на месте. Он знает, хотя и не видит их глаз: птицы таращатся на него. Ветер взъерошивает их перья, и вот они уже парят в небе. Там они кажутся еще больше, и только сейчас Сайласу приходит в голову, что это могут быть ястребы или стервятники. Внезапно — словно кто-то включил звук — со всех сторон на него обрушиваются пение, чириканье и свист всевозмож-

ных птиц. Сайлас от испуга ударяется затылком об оконную раму. Потерев ушибленное место, он высовывается из окна еще сильнее. Опять сирена, визжит на сей раз громко и безотлагательно.

А вороны куда подевались? Исчезли в сложносо-чиненном утреннем небе. Вместо них среди белых клубов и полосок он пытается разглядеть знакомые картинки: вот две могучие голые груди, вот солнечные очки, вот огненная птица раскинула крылья. А потом он видит то, что ни с чем нельзя спутать: откуда-то сзади поднимаются клубы густого черного дыма. Пожар? Горит его дом?! Нет, все-таки дым поднимается из-за деревьев на дальнем конце участка. Тут только Сайлас начинает чувствовать запах дыма — маслянистую вонь, которая означает, что горит не только дерево. Вкус пожара мешается с травкой, ее дым все еще стоит в горле. Птичье пение нарастает. Они кричат, каркают: «Иди! Туда! Иди!» Нет, так не бывает, птицы не говорят. Сайлас моргает, пытаясь разобраться в происходящем: дым, запах, вороны, сирены, величественное небо. Может, это сон? Ночной кошмар? Или галлюцинации — от наркоты? Он купил ее в придорожном фермерском киоске у Тесс — обычно травка у нее слабая, не то что забористая дурь, за которой они с друзьями ездят на юг, в Йонкерс. Ох, вот бы это был сон или глюки... Но нет, все по-настоящему. Без дураков.

Из-за деревьев поднимается столб черного дыма, какие рисуют в мультиках про охрану при-

роды. Потом из того же невидимого источника вдруг выплывает огромное, больше всех остальных, облако. Оно густое, плотное, угольно-черное и немного серебристое по краям. Поднимаясь в небо, оно начинает расплзаться, сереть, зеленеть, а затем превращается в длинный крючковатый перст, указующий куда-то за горизонт.

Сайлас пятится от окна. Он до сих пор во вчерашних шортах и футболке. Надев старые серые кроссовки «Нью бэлэнс» — в них он обычно ходит на земельные работы или рубит дрова с отцом, — Сайлас заглядывает в зеркало и видит, что глаза у него красные, чуть вытаращенные, а зрачки расширены. Немытые русые волосы местами торчат, местами липнут к голове. Он проводит дезодорантом под мышками и надевает черную лыжную шапку, делает глоток воды из бутылки и закидывает в рот несколько жвачек «Биг ред». Затем хватается за желтый рюкзак и упаковывает в него бонг, зажигалку и маленький серый контейнер. Потерев глаза обоими кулаками, делает глубокий вдох, выдох и шагает к двери.

Коснувшись пальцами дверной ручки, он вспоминает минувшую ночь. Пятится, прокручивает в голове свои последние действия перед сном, потом еще раз и еще: может, ему это приснилось?

Не пыхнуть ли еще разок перед выходом? Нет, не стоит.

Сайлас замирает и шепчет себе под нос: «Я в норме. Все хорошо. Ничего не случилось».

Внизу невинно, как старинный телефон, трещит мамин мобильник. На третьем гудке она берет трубку, и дом мгновенно погружается в тишину. Слышно только рев сирен за окном, недовольное гудение клаксонов и вертолет, который где-то вдалеке месит винтами воздух. Отец выкрикивает его имя. Сайлас отходит от двери.

Джун

Она уедет. Сядет в свой «Субару»-универсал и отправится извилистыми, ухабистыми дорогами до шоссе, а там выберет путь на запад. И будет ехать столько, сколько сможет проехать без паспорта, потому что документов у нее теперь нет. Водительские права тоже сгнули — вместе со всем, что было в доме, — но они ей и не понадобятся. Если не нарушать правил, никто ее не остановит. Вообще-то она не планировала уезжать так сразу, но утром, проснувшись, приняв душ и медленно натянув джинсы и полосатую хлопковую футболку с вырезом «лодочкой», которую носит уже несколько недель, она поняла: ехать надо сейчас.

Она моет и вытирает чашку с отбитым краем, керамическую миску и старую серебряную ложечку, которой пользовалась с тех пор, как поселилась в этом чужом доме; ощущает вес каждого предмета, аккуратно убирая их обратно в шкаф. Собрать ей нечего и незачем, хватит той одежды, что уже на ней, и льняного жакета, который она накинула восемнадцать ночей назад, выскакивая из дома. Медленно вдвывая руки в поношенные рукава, она

пытается вспомнить, зачем вообще тогда его надела. Может, на кухне было холодно? И где она его взяла — сняла с захламленной вешалки у двери, после чего тихонько сбежала в поле, стараясь никого не разбудить? Так было дело? Теперь уж не вспомнить. Она вновь начинает прокручивать в голове события той ночи и наступившего следом утра, с дотошностью следователя изучая каждый свой шаг и поступок. Нет, хватит!

Повезло, что в кармане жакета оказались ключи от машины и банковская карта. Впрочем, назвать себя везучей язык не поворачивается. И ни у кого не повернется. Однако эти припрятанные мелочи позволят ей теперь уехать из города, а больше ей ничего и не надо. Дело не в желании сменить обстановку, нет. Сегодня утром она внезапно осознала, что ее время здесь подошло к концу. *Ладно*, выдыхает она, словно уступая незримому собеседнику победу в долгом и мучительном споре. За окном дома, который ей не принадлежит, распустился оранжевый и красный лилейник. Она опирается руками на край кухонной раковины; из подвала доносится протяжный, резкий писк закончившего работу сушильного автомата. Меньше часа назад она заполнила его барабан влажным постельным бельем. Фарфор приятно холодит ладони. Дом оглушительно безмолвен и пуст. В груди снова начинает медленно ворочаться и скрестись давняя боль. Лилейник трепещет на утреннем ветру.